

софская», несомненно, написана после «Великой науки» и «Риторики» и является, вероятно, последним произведением нашего автора.

Отождествление «кормовщика Московского чину», преподавателя латинского языка в домах Апраксиных и Волконских, переводчика в посольстве Головина с автором «люллианских» сочинений, «философом Андреем Христофоровичем» значительно расширяет круг наших сведений о жизни Андрея Белобоцкого.

До приезда в Россию он успел получить хорошее философское и богословское образование. В его сочинениях мы встречаем многочисленные ссылки не только на творения отцов церкви, но и на крупнейших представителей средневекового богословия. Если знание трудов Беды Достопочтенного, Фомы Аквинского, Петра Ломбардского, Бронавентуры, кардинала-иезуита Робарта Беллармина, «регулы иезуитской риторов» и т. п. свидетельствует о пребывании в одной из польских иезуитских коллегий, то другие данные говорят о том, что Белобоцкий не ограничился в своем философском образовании схоластической премудростью. Он прекрасно знаком с учением Раймунда Люллия и, что особенно важно, читал сочинения его позднейших «толковников» — Агриппы Неттесгеймского, Иоганна Генриха Альстеда, Валерия де Вальер, Джордано Бруно; в «Риторике» и «Великой науке» встречаются ссылки на Кардано, излагается полемика трех «сект» — аристотеликов, рамистов и люллистов, приводятся мнения Дионисия Ареопажита и кабалистов, опровергаются воззрения атеистов и Анаксагора.

«Риторика» содержит многочисленные указания на странствования автора по странам Европы. Он говорит, например, об обычае «на всяк день поучения творити, яко во Францыи, Италии, Гишпании, Фландрии и прочих землях», рассказывает о гонениях на неверных в Испании, об обычаях «немцев и гишпанов», об обыкновении произносить в великий пост ежедневные проповеди в приходских церквях Испании, Франции, Италии и «по нижних немецких землях», об особенностях проповедей в «княжении Бранденбургском» и т. д. Рассказав о щедрости польского посла в Риме, он добавляет: «Не верил бых тому, еще бы в Гишпании будучи, в Академии Валисолютинской на италианском языке в Риме напечатованной о том посольстве книги не видал».³³

Андрей Белобоцкий обнаруживает не только прекрасное знание латыни, но и знакомство с французским, испанским и итальянским языками; приводит он примеры истолкования имен на греческом, древнееврейском, сирийском и халдейском языках. Польский язык для него родной, а русским и церковнославянским он овладел в полной мере.

Мы не знаем, занимался ли Белобоцкий литературной деятельностью до приезда в Россию, — здесь во всяком случае он проявил себя как плодовитый писатель. Нам представляется возможным установить примерно следующую хронологию его сочинений: 1684—1685 гг. — перевод трех книг трактата Фомы Кемпийского «О последовании Христу» (перевод третьей книги не сохранился); 1685 г. — «Краткая беседа милости со истиною»; середина 1690-х годов — «Риторика» и «Пентатеугум»; 1698/99 г. — «Великая наука Раймунда Люллия»; 1700-е годы — перевод «Краткой науки Раймунда Люллия» и «Книга философская».

Мы не знаем, принимал ли участие Белобоцкий в подготовке издания «Краткой беседы милости со истиною» в 1712 г. или она вышла в свет после смерти автора; во всяком случае 1712 г. — последняя дата, с которой так или иначе связано его имя.

³³ БАН, Арх., С-149, лл. 51 об., 78 об.—79, 114 об.—116 об., 217.